

Миф о Гегеле и технология его создания¹

Кауфман В.,
профессор Принстонского университета

Юрганов А. А.,
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры философии, психологии и педагогики
Кубанского государственного медицинского университета,
ssssss1984@mail.ru

Аннотация: Работа профессора Принстонского университета Вальтера Кауфмана «Миф о Гегеле и технология его создания» впервые была опубликована еще в 1959 году в США. Несмотря на все историческое значение философии Гегеля, некоторые его критики не утруждают себя изучением первоисточников и фундаментально значимой исследовательской литературы. Это открывает возможность не только для недопонимания, но и для сознательной спекуляции и превратной, в том числе политически ангажированной, интерпретации, замещающей реальные взгляды Гегеля мифотворчеством трактующего их мыслителя. Работа Кауфмана раскрывает технологию создания мифологических представлений о философии Гегеля на материале, предоставленном известным и влиятельным идеологом либеральной доктрины «открытого общества» Карлом Поппером.

Ключевые слова: Гегель, Поппер, миф, критика диалектики, история философии, ошибки цитирования, тоталитаризм, либерализм, фашизм, антисемитизм, расизм.

Предисловие

Перевод работы Вальтера Кауфмана осуществляется в рамках научного исследования творчества Г. В. Ф. Гегеля, которое и по сей день вызывает неподдельный интерес.

Вальтер Кауфман (Walter Kaufmann; 1921–1980) — немецко-американский философ, переводчик и поэт. Наиболее известен как переводчик Бубера и Ницше на английский язык. Также переводил Гегеля и Гёте, написал книгу о Гегеле и содействовал распространению его философии в англоязычном мире. Активно критиковал религиозные ценности и практики либерально настроенного протестантизма континентальной Европы.

Работа Кауфмана «Миф о Гегеле и технология его создания» впервые была опубликована в 1959 году в США. Ее появление обусловлено большим объемом критики, направленной как на философию, так и на самого Гегеля. Как известно, у немецкого

¹ Перевод осуществлен по интернет-изданию: Walter Kaufmann *From Shakespeare to Existentialism: Studies in Poetry, Religion, and Philosophy / Chapter 7: The Hegel Myth and Its Method*, Boston, 1959, pages 88–119.

мыслителя было множество критиков, и одна из наиболее известных сегодня работ принадлежит перу Карла Поппера. При этом предмет критики, т. е. сама философия Гегеля, зачастую оставался в стороне. Чтобы сделать из Гегеля марксиста, экзистенциалиста, утописта, фашиста, нациста и т. п., необходимо было приписать ему те мысли, которых он никогда в действительности не высказывал, что потом делало критику вполне успешной и состоявшейся.

Значение философии Гегеля, как полагает Кауфман, очевидно исходя из той роли, которую он сыграл в истории. Его непосредственное влияние сказалось не только на ближайших его последователях, но и на всех последующих философских концепциях. И все же Гегель известен в основном через вторичные источники и некоторые приписываемые ему клише и штампы.

Статья Кауфмана как раз раскрывает технологию создания мифологических представлений о философии Гегеля на примере наиболее известного и влиятельного идеолога либеральной доктрины «открытого общества» Карла Поппера. Кауфман отмечает, что попперовская трактовка содержит больше ошибочных мнений о Гегеле, чем какое-либо другое эссе. Как полагает Кауфман, Поппер попросту игнорирует наиболее значимые труды по философии Гегеля, работы Дильтея, Розенцвейга и др.

Если соглашаться с Поппером, что «интеллектуальная честность» является основанием для всего того, что имеет для нас значение, то мы должны восстать против методов Поппера, поскольку они похожи на те, что используют тоталитарные политологи и которые распространены во всем свободном мире и не имеют никакого отношения к объективному научному исследованию. Ведь Поппер не вполне добросовестно использует даже тот материал ссылок, который у него имеется. Общеизвестный прием, когда при составлении цитаты ее части выдергиваются из разных источников или контекстов, заключая это сложносоставное и далеко не однородное образование в общие кавычки. К сожалению, этот прием может быть использован для того, чтобы обвинить исследуемого автора в тех взглядах, которых он никогда не имел.

По сути, Кауфман предлагает по-иному посмотреть на политическую и социальную философию Гегеля нам, читающим его работу в современной России. Поскольку зачастую сознание современных исследователей содержит в себе идеологические шаблоны, привнесенные в научный дискурс периодом 90-х годов XX века и мешающие объективной и трезвой оценке философии Гегеля. В то же время созданный Поппером миф дает нам возможность не только трезво оценить концепцию Гегеля, но и иначе посмотреть на саму личность мыслителя, фундаментально значимого для идеологии либерализма. В статье Кауфмана происходит деидеологизация наследия Гегеля, поскольку именно через исследования Поппера была предпринята первичная идеологизация его историко-философской концепции, которая затем была растиражирована.

Поэтому, как нам представляется, перевод данной работы Кауфмана открывает дополнительные возможности для более глубокого понимания и более трезвой оценки не только творчества Поппера и Гегеля, но и нашей собственной современной интеллектуальной ситуации в стране.

Миф о Гегеле и технология его создания (Вальтер Кауфман)

1. Значение Гегеля

Гегель был не язычником, подобно Шекспиру и Гете, но философом, который считал себя христианином и старался действовать в соответствии с протестантскими взглядами, как, например, Ф. Аквинский шестью веками ранее. Он искал форму синтеза

греческой философии и христианства, в полной мере используя труды своих предшественников. Среди них были не только великие философы — от Гераклита и Платона до Канта, Фихте и Шеллинга, — но и такие исторически значимые личности, как Пол², и те, кто совершил Французскую революцию. Философия, какой ее видел Гегель, не занимает позицию между религией и поэзией, а стоит выше и той, и другой. В его понимании философия суть схватывание эпохи мыслью, и задача философа, говоря несколько обобщенно, — понять те чувства, которые испытывают религиозный человек и поэт конкретной эпохи.

Огромное значение Гегеля становится очевидным, как только мы осознаем ту роль, которую он сыграл в истории. Во-первых, это его непосредственное влияние, проявившееся не только в философском идеализме, который на рубеже XIX и XX веков доминировал в британской и американской философии — Бредли, Босанквант, Мак-Таггарт, Т. Х. Грин и Ройс, — но также почти во всех последующих концепциях истории философии, начиная с эпохальных работ Эрдмана³, Целлера и Куно Фишера. Именно Гегель определил место истории философии в качестве центральной академической дисциплины и ядра любого философского образования. Ему же принадлежит мысль о том, что различные философские системы, существующие в истории, должны рассматриваться в развитии, и что они, как правило, являются односторонними вследствие того, что их появление есть реакция, направленная против предшествующих конструкций.

Во-вторых, после смерти Гегеля большинство наиболее важных философских направлений были в значительной степени отрицательной реакцией на его идеализм и не могут быть в полной мере осознаны без понимания сущности его философии. Первыми двумя великими бунтовщиками стали Кьеркегор и Маркс, которые с легкостью усвоили столько же его философии, сколько и отвергли, особенно его диалектику. Сегодня марксистская диалектика владеет умами большей части населения земного шара, в то время как взгляды Кьеркегора разделяют некоторые из наиболее выдающихся мыслителей мира, такие как Хайдеггер и Тиллих, Барт и Нейбур.

Два более поздних антигегельянских направления, преобладавшие в английской и американской философии в XX веке, это прагматизм и аналитическая философия. Уильям Джеймс, который время от времени обрушивался с критикой на самого Гегеля, тем не менее, в какой-то степени реконструировал Гегеля в лице своего гарвардского коллеги Ройса, известного американского идеалиста. В то же самое время Мур⁴, привлеченный к антигегельянскому движению Расселом, вел в Кембридже борьбу против влияния Бредли и Мак-Таггарта. Один из немногих вопросов, по поводу которого аналитики, прагматики и экзистенциалисты соглашались с диалектическими теологами, состоит в том, что Гегель должен быть отвержен: их отношение к Канту, Аристотелю, Платону и другим великим философам вовсе не столь единодушно, даже внутри каждого из движений; но противостояние Гегелю является общей частью платформы всех четырех, а также учения марксистов. Странно, что человек, которого все эти направления воспринимали как принципиально значимого, был мало известен большинству из последователей этих движений; очень немногие прочли по крайней мере две из четырех

² Вероятно, автор имеет в виду Пола Ревира (англ. Paul Revere, 1734–1818) — американского ремесленника, серебряных дел мастера во втором поколении, одного из самых прославленных героев Американской революции.

³ Иоганн Эдуард Эрдман (нем. Johann Eduard Erdmann) в 1844 году в Галле читает курсы гегелевской философии.

⁴ Джеффри Реджинальд Гилкрист Мур (1893–1979) — британский философ-теоретик и академик Оксфорда, который специализировался на исследовании философии Гегеля.

книг, опубликованных Гегелем.

Гегель известен в основном через вторичные источники и некоторые приписываемые ему лозунги и абстрактные обобщения. Такое мифологическое представление о его личности страдало отсутствием всестороннего, документально подтвержденного анализа до тех пор, пока Карл Поппер не нашел для него места в своей широко обсуждаемой книге «Открытое общество и его враги». После выхода трех изданий в Англии исправленный однотомник был выпущен в Соединенных Штатах в 1951 году, спустя пять лет после первой публикации.

2. Критика критики

Для того чтобы подорвать популярность мифа о Гегеле, едва ли можно сделать что-то лучшее, чем подробно ознакомиться с главой Поппера о нем. Это временно уводит нас от религии и поэзии, но эволюция «от Шекспира к экзистенциализму» не может быть понята без хотя бы частичного уяснения учения Гегеля и сути споров вокруг его широко распространенного образа. Более того, Гегель столь часто упоминается в современных дискуссиях, что действительно стоит показать, насколько ошибочны популярные представления о нем. В-третьих, наше исследование предполагает тщательное рассмотрение вопросов технологии создания этого образа и особенно наиболее сложные его моменты. И наконец, поскольку мы развиваем объективную позицию Гегеля, у нас будет повод привлечь внимание к религиозным корням некоторых его специфических взглядов.

Тот, кто, тем не менее, предпочтет пропустить эти главы для того, чтобы ухватить мысль в следующей главе, должен по крайней мере помнить авторскую осведомленность о том, что грубая фальсификация истории не является монополией Miniver Cheever⁵. Заглядывающие в будущее либералы и даже те, кто, подобно Попперу, верит в «постепенное усовершенствование общества», также часто искажают историю. И, увы, это делал и сам Гегель.

Детальная критика, которую Поппер излагает на 69 страницах, может быть предварена словами Ницше из *Esse Homo*: «Я пользуюсь личностью только как сильным увеличительным стеклом, которое может сделать очевидным общее, но ускользающее и трудноуловимое бедствие».

В нашем случае проблема имеет два аспекта. Во-первых, попперовская трактовка содержит больше ошибочных мнений о Гегеле, чем какое-либо другое эссе. Во-вторых, если соглашаться с Поппером, что «интеллектуальная честность» является основанием для всего того, что имеет для нас значение, мы должны восстать против его (Поппера) методов, так как, несмотря на то, что его ненависть к тоталитаризму выступает главным мотивом создания им своей книги, его методы, к сожалению, похожи на те, что используют тоталитарные политологи и которые распространены во всем свободном мире.

3. Компетентность Поппера

Наличие 19 страниц примечаний предполагает, что атака Поппера на Гегеля основана на внимательном изучении источников, однако это не так — он игнорирует наиболее важные исследования по своему предмету. Это вдвойне серьезно, так как он сосредоточен на психологическом объяснении людей, которых критикует: он анализирует

⁵ Минивер Чиви — герой поэмы «Городок на реке» Э. А. Робинсона, который прибегает к подобным спекуляциям.

не только их аргументы, но даже их предполагаемые мотивы. Эта практика является настолько опасной, насколько и распространенной, хотя в некоторых случаях нет прямого доказательства обратному. Однако можно точно сказать, что Поппер подозревает в наихудших намерениях всех, кого он критикует (кроме Маркса, которому приписывает лучшие намерения).

В отношении Гегеля существует многотомное свидетельство того, что именно игнорирует Поппер. Это ставший доступным богатый материал, начиная с основополагающего труда Дильтея (1906) по ранним работам Гегеля, и последующие публикации, отражающие эволюцию идей философа: двухтомное исследование Франца Розенцвейга, друга Мартина Бубера, который специально заостряет внимание на развитии тех идей, к коим обращается Поппер в первую очередь в *Hegel und der Staat*⁶.

Более того, Поппер в основном опирается на труд Скрайбнера «Гегель. Избранное», небольшую антологию для студентов, которая не содержит ни одной полноценной работы. Как и Жильсон в «Сумме философского опыта» [с. 246], Поппер, приводя высказывание Гегеля, допускает грубую ошибку в переводе, а именно: «Государство является присутствием Бога на Земле», в то время как в оригинале идея Бога подразумевает наличие государства на Земле. Само это предложение в принципе отсутствует в тексте, опубликованном Гегелем, и встречается лишь в одном из редакторских дополнений к посмертному изданию «Философии права», где редактор в своем предисловии признает, что эти дополнения основывались на лекционных конспектах, а «выбор формулировок» порой был в большей степени его, чем Гегеля.

Кроме того, становится очевидным, что Поппер не имеет представления о важнейших фрагментах, если не о целых работах, которые не вошли в «Избранное» Скрайбнера. Например, отрывок о войне в первой работе Гегеля, который свидетельствует о том, что его более поздняя и более умеренная концепция войны вовсе не была адаптирована под интересы короля Пруссии, как на этом настаивает Поппер. Отрывок о войне в «Феноменологии духа» Гегеля, в разделе «Этический мир», был написан в то время, когда Гегель (шваб, а не пруссак) восхищался Наполеоном, и был опубликован в 1807 году, т. е. год спустя после сокрушительного поражения Пруссии в Ене.

Взгляды Гегеля на войну будут рассмотрены нами в разделе II, а первоочередное внимание будет уделено вопросам технологии создания мифа о Гегеле.

4. Компиляция цитат

Подобный прием, которым также пользовались и другие авторы, до сих пор не получил заслуженной критики. Он состоит в выдергивании цитат из различных контекстов и даже книг и заключении их в общие кавычки. При этом цитаты отделяются друг от друга только многоточием, которое обозначает не что иное, как отсутствие нескольких слов. Очевидно, что этот прием может быть использован для того, чтобы обвинить автора в тех взглядах, которых он никогда не имел.

Приведем для примера созданную таким способом цитату о пламени войны: «Не думай, что я пришел, чтобы принести на Землю мир; я пришел, чтобы принести не мир, а меч... Я пришел, чтобы разжечь огонь на Земле... Ты думаешь, что я пришел, чтобы дать Земле мир? Нет, скажу я тебе... Пусть тот, у кого нет меча, продаст свою одежду и купит его». Едва ли это лучший способ представить взгляды Иисуса о войне и ее разжигании.

⁶ «Гегель и государство».

Только контекст может показать (как это явствует из работ многих философов, и особенно Ницше), использовано ли данное слово буквально.

Труды Гегеля и Платона изобилуют общепринятыми односторонними заявлениями, назначение которых, очевидно, сформулировать точки зрения и затем представить их как неадекватные и противопоставить их другим взглядам. Поэтому можно состряпать настолько впечатляющую цитату, которая убедит доверчивого читателя в том, что Гегель был — в зависимости от политологических замыслов — либо целиком «за», либо всесторонне «против», скажем, равенства. Хотя для того, чтобы читатели лучше понимали Гегеля, можно было бы привести в качестве цитаты одно из его высказываний о равенстве в контексте, показывая, каким образом это высказывание служит одним из шагов в доказательстве. И данное доказательство предназначено для того, чтобы привести читателя к более глубокому пониманию равенства, а не вызывать эмоции возражения или согласия.

Даже те, кто предпочитает не сводить всю философию к подобного рода анализу, все же должны признать многозначность таких слов, как «равенство» и «свобода», «добро» и «Бог», и согласиться с тем, что философы могут быть полезны, проводя различия в значениях этих понятий, а не подражать политикам, уверяющим нас, что они сердечно ратуют сразу за все четыре. Поппер, подобно окружному прокурору, хочет убедить своих читателей в том, что Гегель был против Бога, свободы и равенства, и использует скомпилированные цитаты для того, чтобы мы в это поверили.

Возвращаясь к компиляциям из цитат, следует сказать, что первая цитата состоит из восьми фрагментов, каждый из которых принадлежит одному из гегелевских студентов и не был опубликован им самим. Хотя Поппер скрупулезно отмечает ссылки на дополнения Ганса к «Философии права» литерой L и всегда дает все ссылки на его скомпилированные цитаты, например: «8 цитат из этого параграфа, см. Избранное...» — немногие читатели, дойдя до примечаний в конце книги, действительно вспомнят, что 8 цитат были скомпилированы в один абзац. Сам Поппер советует своим читателям «сначала прочесть весь текст главы целиком, а затем перейти к Примечаниям».

Скомпилированные подобным образом цитаты наводят на сравнение их с фотоколлажем. Так, во время предвыборной кампании в Сенат США была опубликована фотография, на которой кандидат на сенатское место жал руку главе коммунистической партии. И уже не важно было, что мелким шрифтом внизу шла пометка «фотоколлаж». Разумеется, любые оригиналы цитат и фотографий также могут вводить в заблуждение, а в отдельных случаях и компиляция не будет считаться некорректной. Но уважающий себя кандидат не станет использовать фотоколлажи со своим соперником, равно как и ученому не стоит прибегать к скомпилированным цитатам для обвинений и критики оппонента.

5. «Теория влияния»

Ни одна теория в истории идей не обсуждается так недобросовестно, как «Теория влияния». Взгляды Поппера на нее являются столь ненаучными, что трудно представить, как этот человек смог написать серьезную работу по логике и научной методологии. В лучшем случае, его взгляды сводятся к принципу «После этого, следовательно, по причине этого» (*Post hoc, ergo propter hoc*) и представляют логическую ошибку. Так, он говорит о «гегельянце Бергсоне» [с. 256 и п. 66] и, не приводя каких-либо подтверждений, делает предположение о том, что Бергсон, Смут, Александэр и Витгенштейн интересовались Гегелем по той причине, что сами были «эволюционистами» [с. 225 и п. 6].

Особенной заботой Поппера и многих других критиков немецких мыслителей было

«влияние», который обвиняемый оказывал на нацистов. Глава, посвященная Гегелю, испещрена цитатами из произведений немецких писателей того времени; всех более из книги Колная «Война против Запада». В этой примечательной книге Фредрик Гундольф, Вернер Йегер (Гарвард) и Макс Шелер представлены в качестве «выразителей нацизма или, по крайней мере, его главной линии и атмосферы». Колная находился под большим впечатлением того, что людьми, внесшими наибольший вклад в «подъем национал-социализма как вероучения», были Ницше и Стефан Джордж, менее великий, но (возможно, по причине его гомосексуальности) более активно используемый при создании Третьего рейха; того, что Ницше наполовину был поляком, а яркий расист Чемберлен «был добродушным англичанином, испортившимся под тлетворным немецким влиянием» [с. 455] и что Ясперс являлся «последователем» Хайдеггера [с. 207]. Представляется разумным проверять контекст любой цитаты из книги Колная перед тем, как их использовать, но Колная обычно не дает ссылок. Поппер пишет: «Я очень признателен книге Колная, которая сделала возможным для меня в оставшихся частях этой главы приводить цитаты большого числа авторов, что было бы в ином случае недоступно мне (я, тем не менее, не всегда следовал редакторской трактовке перевода Колная)». Поппер, очевидно, вносил изменения в формулировки без сверки с оригиналом и его контекстом. Он использует цитату за цитатой от Колная для того, чтобы подчеркнуть предполагаемое сходство с Гегелем, но никогда не задается вопросом, а читали ли люди, которых он цитировал, самого Гегеля, что они думают о нем и где в действительности они почерпнули свои идеи. Так, например, он пишет, что «Гегель воскресил идею славы» [с. 266], так как он говорил о славе как о награде для людей, чьи деяния увековечены в наших исторических летописях. Казалось бы, идея эта достаточно банальна, и ее авторство могло быть приписано десяткам искренних демократов, но Поппер продолжает: «И Стейпл, пропагандист нового оязыченного христианства, незамедлительно (т. е. спустя сто лет) повторяет: «Все великие дела совершались ради славы и величия». Это, несомненно, совершенно другая идея и не банальная, а ложная. Поппер сам признается, что Стейпл «более радикален, чем Гегель». Безусловно, необходимо задаться вопросом о значимости всего раздела, касающегося Стейпла и других современных писателей; это не история идей, а попытка обвинить (*Audactercalumniare, semperaliquidhaeret* (лат.))⁷. Все это — верх наивности. Погружение в хороший словарь цитат могло бы открыть для Поппера великое множество более близких параллелей относительно Стейпла, чем те, что он находит у Гегеля. Возможно, более категоричные, а потому и наиболее запоминающиеся формулировки встречаются у отдельных поэтов, влияние которых трудно было бы переоценить. Так, у Шекспира мы читаем: «Пусть слава, за которой все гонятся при жизни, / Живет запечатленной на наших бронзовых могилах». Эти строки встречаются в одной из его комедий «Тщетные труды любви», хотя сам он не принижал значение славы. Бен Джонсон, рассуждая о славе, пошел еще дальше («Садженус» (I, ii)): «Презрение к славе порождает презрение к добродетели». А Фридрих Шиллер в балладе «Торжество победителей», посвященной празднованию греками победы над Троей, произведении, которое немецкие школьники учат наизусть, выразил еще более радикальный взгляд на славу:

«Из благ, что лелеяли люди всегда,
Нет более высокого, чем слава;
Когда уже давно тело умерло,
То выжило лишь великое имя».

На каждого нациста, знавшего гегелевские заметки о славе, должно быть,

⁷ «Клеветы смело, всегда что-нибудь да останется».

приходились десятки тех, кто читал и эти строчки. Служит ли это доказательством того, что Шиллер был плохим человеком? Является ли это основанием считать его ответственным за нацизм?

Кроме того, Попперу часто недостает знаний о том, кто на кого, собственно, влиял. Так, говоря о Хайдеггере и «его учителе Гегеле», он ошибочно утверждает, что Ясперс начал как последователь «философов-эссенциалистов, Гуссерля и Шелера» [с. 270]. И что еще примечательней, он противопоставляет злонамеренному Гегелю таких превосходных людей, «как Шопенгауэр или Я. Ф. Фриз», поддерживая Шопенгауэра в его высказываниях против якобы протофашиста Гегеля, которого он обвиняет в нацистском расизме, очевидно, не подозревая того, что Фриз⁸ и Шопенгауэр, в отличие от зрелого Гегеля, были антисемитами.

Самые ранние эссе Гегеля, которые сам он не публиковал, свидетельствуют о том, что начинал он с яростных нападок на евреев. Эти эссе будут рассмотрены в следующей главе; они не представлены в работе Скрайбнера «Избранное Гегеля» и, следовательно, не были использованы Поппером. Более того, они вообще не оказали заметного влияния на его дальнейшую позицию. Когда Гегель приобрел известность, он стал настаивать на том, чтобы евреям предоставили равные с прочими права, поскольку гражданские права принадлежат человеку уже на основании того, что он человек, и не зависят от его этнического происхождения или вероисповедания.

Фриз, предшественник Гегеля в Гейдельбергском университете, считался большим либералом, а Гегель часто подвергался осуждению за жесткую позицию по отношению к нему. В рассматриваемом контексте очень редко упоминался (если вообще упоминался) тот факт, что летом 1816 года Фриз опубликовал памфлет, в котором он призывал к «тотальному уничтожению» евреев. Он появился одновременно как обзорная статья в Гейдельбергском литературном ежегоднике и как памфлет, озаглавленный «Как евреи угрожают благополучию и ментальности немцев». Согласно Фризу, евреи «были и есть кровопийцы рода человеческого» [с. 243], они отнюдь не живут и не учат согласно учению Моисея, а «в соответствии с Талмудом» [с. 251]. На этом основании Фриз рисует в воображении читателя пугающие картины. «Еврейская каста... должна быть уничтожена полностью (mit Stump fund Stiel ausgerottet), так как совершенно очевидно, что из всех секретных и политических обществ и структур внутри государства она является самой опасной. Любая иммиграция евреев должна быть запрещена и, напротив, следует поощрять их эмиграцию. Право евреев вступать в брак... должно быть ограничено... Евреям должно быть запрещено нанимать на работу христиан» [с. 260], вновь следует заставить их «носить специальные отметки на одежде» [с. 261]. Между тем, Фриз уверяет: «Не против евреев, наших братьев, но против еврейства (der Judenschaft) мы объявляем войну» [с. 248].

Сказанное дает возможность понять, почему Гегель в предисловии к своей «Философии права» с презрением говорит о том, что Фриз подменяет моральный закон «сюсюканьем про любовь, дружбу и энтузиазм». Определенно, было бы глупо со стороны евреев поверить в братский энтузиазм Фриза.

Гегелевский зачастую малопонятный стиль мышления, по всей видимости, и дал начало дальнейшему обскурантизму, но броский иррационализм Фриза и Шопенгауэра по своей стилистике был намного ближе большинству нацистских литераторов. Отсюда отнюдь не следует, что Фриз имел какое-то влияние на нацистов. Он был вскоре забыт,

⁸ Якоб Фридрих Фриз (нем. Jakob Friedrich Fries; 1773–1843) — немецкий философ, физик и математик.

и никто не вспоминал его до тех пор, пока в XX веке Леонард Нельсон⁹, еврейский философ, не основал неофризовскую школу, не имевшую никакого отношения к расистским предрассудкам Фриза. Одним из наиболее известных мыслителей, чьим преемником в возрождении идей Фриза стал Нельсон, был Рудольф Отто¹⁰, протестантский теолог, наиболее известный своей книгой «Идея Бога». Весьма заметной эту книгу делает прекрасное описание «мистического» опыта; но сумбурной дискуссией о «Боге как априорной категории» и романтическим рассуждениям о «божественном» мы обязаны Фризу.

Поппер, написавший серьезную работу «Логика исследования» (*Die Logik der Forschung*), тем не менее, не видел необходимости в том, чтобы в главе о Гегеле проверить свои сомнения в отношении некоторых моментов, оказавших влияние на философа. Он просто делает вывод о том, что Гегель «является пропущенным звеном» между Платоном и современной формой тоталитаризма. Большинство современных идеологов тоталитаризма даже не подозревают, что их идеи берут начало у Платона. Но многие знают, что они в долгу перед Гегелем [с. 226]. Считая, что в данном случае прослеживается связь с нацизмом, и все тоталитаристы, процитированные в данной главе, являются фашистами, а не коммунистами, Поппер демонстрирует свое непонимание тоталитаризма как направления.

Гегеля редко цитировали в нацистской литературе, и если на него ссылались, то обычно для того, чтобы опровергнуть. Официальный нацистский «философ» Альфред Розенберг¹¹ дважды упоминал и осуждал Гегеля в своем бестселлере *Der Mythos des Zwanzigsten Jahrhunderts*¹². Первоначально изданная в 1930 году, к 1940 году эта книга имела тираж 878 тысяч экземпляров. Целая глава ее была посвящена любимому Поппером Шопенгауэру, который вызывал восхищение и у Розенберга. Следует отметить, что Розенберг прославляет и Платона, называя его «одним из тех, кто, в конечном счете, хотел спасти свой народ, опираясь на национализм, посредством жесткой организации общества, диктаторской во всех ее проявлениях». В то же время Розенберг выделяет и подвергает суровой критике «сократические» элементы у Платона.

Платона, в отличие от Гегеля, много читали в немецких школах, а для греческих классов в гимназиях были выпущены специальные издания, в которых были собраны воедино якобы его фашистские высказывания. В своем введении к избранному отрывку из «Государства», опубликованному издательством «Тюбнер» (Teubner) в серии *Eclogae Graecolatinae*, доктор Холторф (Holtorf) услужливо указал некоторые из своих статей, имеющих отношение к Платону, включая статью в газете «Народный наблюдатель» (*Völkischer Beobachter*), которая принадлежала лично Гитлеру. Чтобы не перечислять большое количество одинаковых работ, посвященных Платону, достаточно упомянуть тот факт, что доктор Hans F. K. Günther (Ганс Гюнтер)¹³, чьи расистские теории, по общему

⁹ Леона́рд Не́льсон (нем. Leonard Nelson; 1882–1927) — немецкий философ и психолог, глава психологического течения в неокантианстве, соучредитель Интернационального социалистического союза борьбы. Нельсон доказывал невозможность общей теории познания.

¹⁰ Рудольф Отто (нем. Karl Lui Rudolf Otto; 1869–1937) — немецкий евангелический теолог, религиовед, феноменолог.

¹¹ Альфред Эрнст Розенберг (1893–1946) — немецкий государственный и политический деятель, один из наиболее влиятельных членов и идеолог Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

¹² «Миф XX века».

¹³ Ганс Фридрих Карл Гюнтер (1891–1968) — германский антрополог и евгенист, оказавший своими научными работами серьезное влияние на расовую политику немецких национал-социалистов.

признанию, были восприняты нацистами, еще в 1928 году написал целую книгу именно о Платоне, а не о Гегеле, а в 1935 году она была переиздана.

Вопрос о том, оказал ли Гегель влияние на нацизм или нет, возможно, не имеет особого отношения к главным положениям книги Поппера, но связан, так или иначе, с большей ее частью. Его идеи, обычно вдохновляющие, объединены с абсолютно необоснованной историей философии; посвященный Гегелю 5-й пункт главы его книги, представленный 18 страницами, прекрасно демонстрирует это. То же самое можно сказать о многочисленных попытках других авторов, которым, однако, далеко до Поппера.

6. Голословные обвинения и агрессивные нападки на замыслы Гегеля

Хотя Поппер в своем «Введении» говорит о «применении критического и рационального методов науки в изучении проблем открытого общества» [с. 3], он пишет о Гегеле с интонацией прокурора, обращающегося к присяжным заседателям. О Фихте и Гегеле он говорит: «Этих клоунов воспринимают всерьез» [с. 249]; он настаивает: «Я спрашиваю, можно ли преодолеть это презренное извращение всего достойного?» [с. 244]; и он осуждает «гегелевский истерический историцизм» [с. 253; с. 269].

Гегель, несомненно, допускает вопиющие ошибки. Среди них — его обскурантистский неясный стиль мышления; при этом крайне сухой и неэмоциональный. Детальное описание его крайне бесстрастной манеры лектора дано одним из его студентов Х. Г. Хото (H. G. Hotho), приведенное в книге Глокнера¹⁴ (Glockner) «Гегель», а также в книге Куно Фишера «Гегель». Если слово «истерический», согласно словарю Вебстера, означает «крайне эмоциональный», то Поппер заслуживает этого определения гораздо больше, чем Гегель. При всех несовершенствах Гегеля утверждение, что «единственное, чем он выделяется, — это огромный недостаток оригинальности» и что он даже не был «талантлив» [с. 227], свидетельствует о крайней эмоциональности самого Поппера.

«Критический и рациональный методы науки» вряд ли могли послужить обоснованием позиции Поппера в отношении философии Ясперса, которую он называет «преступной» [с. 272]. Не подтверждает это заявление и заметка о «преступной философии» в конце тома, которая, по сути, представляет собой скомпилированную цитату (см. выше) из книги Эрнста фон Саломона (Ernst von Salomon) «Вне закона» и не имеет ощутимой связи с философией Карла Ясперса, не говоря уже о Гегеле.

Голословное высказывание Поппера о мотивах Гегеля едва отличимо от злобных нападок. Гегель обвиняется в «извращении... искренней веры в Бога» [с. 244], но при этом не приводится никаких доказательств для обоснования этих обвинений. «Гегелевский радикальный коллективизм ...служил интересам Фридриха Уильяма III, короля Пруссии», и «единственной целью» его была «верность своему господину» [с. 227 и далее]; при этом Поппер намекает на то, что Гегель злоупотребляет философией, используя ее как средство наживы [с. 241], абсолютно игнорируя литературу по данному вопросу, которая, в дополнение к томам, процитированным выше, включает статью Т. М. Нокса (Т. М. Кнох)¹⁵ «Гегель и пруссачество» в журнале «Философия» за январь 1940 года и его

¹⁴ Глокнер Герман (1896–1979) — философ, исследователь Гегеля; с 1933-го — профессор в Гиссене, с 1951-го — в Брауншвейге. Прорыв в «фундаментальную философию» осуществил в 1938-м своими метафизическими размышлениями *Das Abenteuer des Geistes*, которые в 1963–1966 гг. вылились в его главное произведение *Gegenstandlichkeit und Freiheit*. В какой мере при этом речь шла о радикальном, носящем конкретно-предметный характер преобразовании гегелевского мира духа, осуществленного с помощью идей Аристотеля и Канта, видно из появившихся в 1965-м статей, посвященных осмыслению и критике Гегеля.

¹⁵ Сэр Томас Малколм Нокс (1900–1980) — англо-шотландский философ.

дискуссию с Кэрриттом (Carritt)¹⁶ в апрельском и июльском выпусках. Гегель, как нам внушают, «хочет остановить рациональную аргументацию и вместе с ней научный и интеллектуальный прогресс» [с. 235], а его диалектика «в значительной степени разработана с целью извратить идеи 1789 года» [с. 237]. Когда Гегель недвусмысленно выступает в поддержку тех взглядов, которым, по мнению его обвинителя, он противостоял, Поппер называет это лицемерием. Так, например, Поппер, как и Баумлер, истолковывавший Ницше через призму нацизма, заявляет, что человек, на интерпретацию взглядов которого он претендует, подразумевает совсем не то, о чем сам ясно сказал. Таким образом, система взглядов человека выстраивалась на основе скомпилированных цитат. При этом его четкие высказывания в случае, если они оказывались неудобными, просто игнорировались.

Во имя «критического и рационального методов науки» следует протестовать против эмоциональных аргументов *ad hominem*. Так, например, нельзя утверждать, что философия Хайдеггера обречена быть неправильной, так как впоследствии он стал нацистом [с. 271], или что Геккеля (Haeckel)¹⁷ вряд ли можно воспринимать всерьез как философа и ученого: он называл себя свободным мыслителем, но его мышление не было достаточно независимым, чтобы помешать ему требовать «плодов победы» в 1914 году [п. 65]. С таким же успехом можно осуществить попытку дискредитации философии науки самого Поппера, указывая на то, как он поступает с Гегелем, или физики Ньютона, принимая во внимание его всепоглощающее увлечение магией, которое лорд Кейнс (Keynes)¹⁸ описал в «Биографических очерках и этюдах».

Отдельные ссылки Поппера на «доктрину избранных», которую он ассоциирует с тоталитаризмом, демонстрируют его недостаточные знания об идеологах тоталитаризма и вместе с тем значительное количество эмоций; и его отзывы о христианстве также скорее основаны на чувствах, чем на логике исследования. Он «за» христианство, но подразумевает под ним нечто совершенно отличное от ясных поучений апостола Павла, католической церкви, Лютера и Кальвина.

Отрицанию Гегелем адекватности совести как проводника в вопросах морали Поппер противопоставляет утверждение о том, что «иными словами, моралисты — это те, кто отсылает, например, к Новому Завету» [с. 262], как если бы во имя Нового Завета никогда не совершались преступления. Юлиус Штрейхер¹⁹ (Julius Streicher) в своей ярко выраженной антисемитской газете *Der Stürmer* («Штурмовик») постоянно цитировал Евангелие от Иоанна.

Атака на Гегеля со стороны Поппера может быть проиллюстрирована на примере афоризма Маритена из книги «Схоластика и политика» [с. 147]: «Если бы о книгах судили по дурным замыслам, которые могут вложить в них читатели, то какой книгой

¹⁶ Хью Дэвид Грэм Карритт (1927–1982) — британский историк искусства.

¹⁷ Эрнст Генрих Филипп Август Геккель (нем. Ernst Heinrich Philipp August Haeckel; 1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ. Автор терминов «питекантроп», «филогенез», «онтогенез» и «экология». После 1891 года Геккель целиком уходит в разработку философских аспектов эволюционной теории. Он становится страстным апологетом «монизма» — научно-философской теории, призванной заменить религию. Основывает «Лигу монистов» с целью популяризации расистской версии социал-дарвинизма.

¹⁸ Джон Мейнард Кейнс, 1-й барон Кейнс (англ. John Maynard Keynes, 1st Baron Keynes; 1883–1946) — английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории.

¹⁹ Юлиус Штрейхер (Штрайхер; нем. Julius Streicher; 1885–1946) — главный редактор антисемитской и антикоммунистической газеты «Штурмовик» (нем. *Der Stürmer*), идеолог расизма. Казнен по приговору Нюрнбергского трибунала за антисемитскую пропаганду и призывы к геноциду.

злоупотребляли бы больше, чем Библией?»

7. Метафизика Гегеля

Два простых момента могут показать, насколько глубоко было непонимание Поппером системы гегелевского мышления. Во-первых, он заявляет, что согласно Гегелю, «самоочевидность — это то же, что и истина» [с. 237], хотя первая книга Гегеля начинается с опровержения подобного взгляда, и он никогда не менял своей точки зрения.

Второй момент является наиболее важным, поскольку именно с ним связано распространенное ошибочное истолкование Гегеля: «Вместе с Аристотелем Гегель считает, что идеи или сущности в вещах находятся в постоянном становлении; или, выражаясь более точно, — в той степени, в какой мы можем точно трактовать Гегеля, — они тождественны вещам в их становлении: «Все действительное есть идея», — говорит он» [с. 231].

Нет необходимости искать какие-либо материалы в дополнение к весьма подходящей статье Ройса (Royce) по терминологии Гегеля в «Философском и психологическом словаре» Болдуина (Baldwin), чтобы понять, что «действительное» в гегелевской философии — это специальный термин (как и его эквивалент у Платона и Аристотеля), и что он категорически не рассматривает идеи (другой специальный термин) как «тождественные вещам в их становлении».

Утверждение, вокруг которого постоянно сплетались кривотолки — а это началось еще при жизни Гегеля, — встречается во введении к его «Философии права». Оно гласит: «Все разумное действительно, а все действительное разумно». Это изречение очень близко по смыслу к идее Лейбница о том, что этот мир является наилучшим из всех возможных миров. Не принимая ни одной из этих идей, надо понимать, что обе они берут свое начало в религии. В третьем издании своей «Энциклопедии» (1830, § 6) Гегель сам высказался о своей сентенции: «Эти простые предложения задели некоторых за живое и породили враждебность; причем даже у тех, кто не желал бы препятствовать пониманию сущности философии, не говоря уже о религии. Когда я говорил о действительности, можно было бы и уточнить без каких-либо напоминаний, в каком смысле я использую данное выражение; в конце концов, я имел дело с действительностью в тщательно разработанной «Логике», где отличал ее не только от случайного, которое, конечно, тоже существует, но и тщательнейшим образом от наличного бытия, существования и других понятий».

Увы, данный отрывок не был включен в «Избранное» Скрайбнера; следовательно, эти заметки были пропущены Поппером, который снова и снова повторяет распространенный миф о том, что, по мнению Гегеля, «все, что в настоящее время является реальным или действительным, должно быть разумным, равно как и благим. И в частности, благом, как мы увидим, является реально существующее Прусское государство».

Можно было бы избежать некоторой путаницы в толковании понятий, если бы гегелевский термин *wirklich* был переведен как «действительный» на основании того, что Гегель противопоставляет его скорее «потенциальному», чем «нереальному» или «несуществующему». Например, желудь, который, безусловно, реален в обычном смысле этого слова, не является действительным (*wirklich*) в том смысле, в котором использует этот термин Гегель. В его понимании только то является действительным, что полностью раскрывает свою природу, или, как мог бы сказать Гегель, «идею», которую большинство вещей не реализует. К примеру, Прусское государство, по мнению Гегеля, более разумно, чем государство, основанное на рабстве, но и оно, как свидетельствует его «Философия

права», не соответствует в полной мере «идее» государства.

8. Государство

Когда Гегель говорит о государстве, т. е. он не подразумевает любое государство, с которым эмпирически можно столкнуться. Предложив нашему вниманию свой афоризм о разуме и действительности, он продолжает: «Суть в следующем: распознать в сходстве временного и преходящего субстанцию, которая имманентна, и вечное, присутствующее в ней. Так как разумное, которое синонимично Идее, в своей действительности также опредмечивает себя во внешнем существовании, проявляясь в бесконечном разнообразии форм, явлений и фигур и скрывая свою сущность за многоцветной поверхностью. Наше сознание сначала задерживается на этой поверхности, и только после этого философская мысль проникает сквозь нее, чтобы обнаружить внутренний пульс и почувствовать его биение. Бесконечно разнообразные связи, которые, тем не менее, обретают внешнюю форму... эта вечная материя и ее организация не являются предметом философии».

Гегель проводил различие между идеей государства, которую он подразумевал, говоря о «Государстве», и существующими вокруг реальными государствами. Но идея, по мнению Гегеля, находится не где-то в идеальном мире Платона, она воплощается в более или менее искаженной форме в данное время, в этих конкретных государствах. Философ не должен погружаться в описание или детальный анализ различных исторических государств либо, наоборот, поворачиваться спиной к реальной истории для того, чтобы увидеть ее неким внутренним зрением; он должен высвободить рациональную сущность истории из ее собственных сетей.

Гегель не склонен, как полагает Поппер, к «юридическому позитивизму» и положительной оценке каждого государства, которое рассматривает [с. 252]; он может и осуждать его. Гегель проводит тонкое различие между философскими суждениями и произвольной критикой, которая является отражением индивидуальных особенностей и личных предубеждений.

Все это не вызывало бы сложностей, если бы Гегель ограничился внутривластной критикой, указывая на многочисленные несообразности, ярко проступающие в высказываниях политиков, в платформах большинства партий, а также в убеждениях многих людей. Он, однако, идет дальше.

Он верит в разумный миропорядок и в свою способность познать его. Жизнь для него — это не «легенда, рассказанная идиотом», не череда трагических событий, а история. Существует конечная цель — свобода, и это дает нам критерий суждения.

Некоторые цитаты из «Философии права» служат иллюстрацией сказанного. «Можно показать, что закон обусловлен текущими условиями и существующими юридическими институтами, находясь с ними в согласии, и, тем не менее, он противозаконен и иррационален» (§ 3). Гегель говорит о «неотчуждаемых» правах и без каких-либо оговорок осуждает рабство, крепостничество, запрет на собственность, отчуждение от разумной рациональности, морали, этики, религии. Он порицает суеверие и «признание за другими власти и полного права предписывать мне, что я должен делать ...или какие обязанности моя совесть должна вменять мне, или что должно быть для меня религиозной истиной» (§ 66).

Согласно примечаниям редактора Ханса (Gans), Гегель подчеркивал в своих лекциях, что «раб имеет абсолютное право освободить себя» (ср. также § 77).

Гегель не противоречит сам себе, когда пишет: «Государство не способно признавать совесть в своей специфической форме, т. е. как субъективное знание, равно как и в науке уверенность, субъективное мнение и апелляция к нему не являются

аргументом» (§ 137). Совесть может и ошибаться, но пока правительство или церковь не получат возможность повелевать ею, правительство не сможет признать совесть в качестве правовой нормы. По словам некоторых переводчиков Гегеля, в период работы над «Философией права» он был обеспокоен убийством поэта Коцебу (Kotzebue), которое совершил какой-то студент, убежденный в том, что поэт являлся российским шпионом и заслужил смерть.

Мы оказываемся неспособными понять Гегеля, когда примеряем его рассуждения о совести к основам нацистского государства. Более уместным было бы вспомнить Веймарскую республику до 1933 года и поразмышлять о совести Гитлера, поскольку под понятием «государство» Гегель подразумевает такое общественное устройство, в котором реализуется свобода, и «человек имеет значение уже потому, что он человек, а не еврей, католик, протестант, немец, итальянец и т. д.», и это «бесконечно важно» (§ 209; ср. § 270). Гегель признал бы разумной совесть противника Гитлера, который признает свое собственное абсолютное право быть свободным и осуществлять свои неотчуждаемые права, а не совесть фанатика, побуждаемого личными мотивами, равно как и вызывающей протест идеологией.

Неудивительно, что нацистам не нравилась книга, которая основана на убеждении, что «ненависть к закону и праву, заданная самим законом, является верным признаком, обнаруживающим и безошибочно распознающим фанатизм, слабоумие и лицемерие якобы добрых намерений, как бы они ни маскировали себя» (§ 258). Во «Введении» Гегель также называет закон «лучшим маркером, позволяющим распознать ложных братьев и друзей так называемого народа». Можно согласиться с Гербертом Маркузе, который в своей книге «Разум и революция: Гегель и становление социальной теории» пишет: «Нет концепции, менее совместимой с фашистской идеологией, чем та, которая рассматривает государство как основанное на универсальных и рациональных законах, что гарантирует учет интересов каждой личности, какими бы ни были особенности ее естественного или социального происхождения» [с. 180 и далее].

Резюмируя: Поппер ошибается, когда, подобно многим другим критикам, утверждает, что согласно Гегелю, «единственно возможным критерием суждения о государстве являются его успешные действия в мировой истории» [с. 260]. Успех не является для Гегеля критерием, когда в работе «Философия права» он говорит о «плохих государствах». «Государство не относится к категории «преходящих вещей». Здесь подразумевается Идея и критерий суждения, мысль о том, как бы выглядели государства, если бы они жили в соответствии с понятием своего существования. Этот смысл отчасти может быть найден в «высшей сфере» (§ 270), к чему сам Гегель и отсылает читателя в рамках «Энциклопедии». Вся сфера объективного духа и общественных институтов, которая достигает высшей точки своей реализации в государстве, является не чем иным, как основанием абсолютного духа, включающего в себя искусство, религию и философию.

Дискуссия о «Государстве» в «Философии права» открывается заявлением: «Государство — это есть реальность этической идеи». Если бы Гегель был платоником, он говорил бы о справедливости, но Гегель имеет в виду свободу; не свободу от всех ограничений, которая в своей худшей форме превращается в анархию, вседозволенность и скотство, а свободу человека для развития его гуманизма, искусства, религии и философии. Он считает государство высшим среди всех институтов, и сам бы он, безусловно, подчинил все эти институты высшему духовному поиску, будучи убежден, что они возможны только в «государстве». Гегель говорит: «Несомненно, все великие люди сформировали себя в одиночестве, но только посредством усвоения того, что уже было создано в государстве». Можно, тем не менее, настаивать — поскольку сам Гегель этого не делает — на том, что подчинение (государству) должно быть ограничено

необходимым минимумом, а кто-то может заострить свое внимание — как это делал полвека спустя Ницше — на опасностях (такого подчинения).

Было бы абсурдно представлять Гегеля в качестве радикального индивидуалиста, но столь же абсурдно утверждать, как это делает Поппер [с. 258], что гегелевское государство является тоталитарным, то есть его власть должна распространяться и полностью контролировать жизнь людей во всех ее проявлениях: «Государство, следовательно, есть базис и центр всех сфер реальной жизни людей: искусства, права, морали, религии и науки». Позиция Поппера просто игнорирует явный акцент Гегеля на сфере «субъективной свободы», признание которой сам Гегель считал очевидным прогрессом по сравнению со взглядами Платона. Цитата из Гегеля, разумеется, вовсе не подтверждает предшествующую точку зрения: это означает — и контекст лекций по «Философии истории» (Введение) полностью это проясняет, — что только государство делает возможным развитие искусства, права, морали, религии и науки. И гегелевская формулировка здесь свидетельствует о том, что влияние на него Платона, которого Поппер считает безнадежным тоталитаристом, было менее значительным, чем влияние Перикла, которым Поппер восхищается. Более того, приводимая Поппером гегелевская цитата едва ли не была им взята из знаменитейшей речи Перикла в версии Фукидида.

Философия Гегеля открыта критике, но путать ее с тоталитаризмом — это значит попросту не понимать ее. В книге «Миф о государстве», посвященной практически той же проблеме, что и книга Поппера, но в более научной форме, Эрнст Кассирер (Ernst Cassirer) дает четкое изложение сути Гегелевской философии. Его глава о Гегеле завершается так: «Гегель мог превозносить, прославлять и даже обожествлять государство. Тем не менее, существует четкое и очевидное различие между идеализацией мощи государства и тем видом его обожествления, который свойственен нашим современным тоталитарным системам».

9. История

Гегель, как и его предшественники Августин, Лессинг и Кант, а также Конт, Маркс, Шпенглер и Тойнби после него, верил, что существует некая модель истории, которую он взял на себя смелость описать. Все его попытки это сделать оказались противоречивыми в нюансах и сомнительными по существу, но разумная критика Гегеля должна учитывать его развитое сдерживающее начало. Так, он не пытался изображать из себя прорицателя будущего и вполне довольствовался пониманием прошлого.

Поппер явно обвиняет Гегеля в «истерическом историцизме» и говорит, что его собственная книга может быть «описана как сборник заметок на полях изложения известных философских учений, стоящих на позиции историцизма» [с. 4]. Но в соответствии с его же определением, Гегель вовсе не был историцистом, т. е. он не был одним из тех, кто «верит в то, что раскрывает законы истории, которые позволяют ему предсказывать дальнейшее развитие исторических событий». Эта склонность к предсказаниям и есть то, что Поппер называет историцизмом [с. 5].

Нам говорят, что Гегель грешит историцизмом и эволюционным релятивизмом, причем в форме крайне опасной доктрины, согласно которой то, во что верят сегодня, фактически истинно именно сегодня, и отсюда следует не менее опасный вывод о том, что бывшее истиной вчера (истиной, а не просто предметом веры) может стать ложным завтра. Нет никакого сомнения в том, что эта доктрина мало подходит для утверждения правильного понимания значения традиции [с. 254].

Гегель, без сомнения, преуспел в правильном понимании значения традиции; в своих книгах и лекциях он принимает как данность присущую ей рациональность

и осуждает как произвольную любую критику прошлого или настоящего, если она не сопровождается оценкой значения традиции.

Гегель не поддерживал точку зрения, согласно которой «то, во что верят сегодня, фактически истинно именно сегодня»; более того, он настаивал на том, что многие его современники — как философы, так и «люди с улицы» — разделяли ошибочные убеждения в этом вопросе. Гегель считал, что высказывание «то, что было правдой вчера ...может стать ложным завтра» является в известном смысле банальностью, подобно таким утверждениям, как «идет дождь», или «американцы говорят, что все люди наделены своим Творцом некоторыми врожденными правами, включающими свободу, а сами продолжают держать рабов», или «другая война могла бы распространять идеалы Французской революции, не угрожая при этом будущему цивилизации». Такой же подход применяется по отношению ко многим обобщениям, связанным с понятиями нации и войны.

Гегель не верил, что такие высказывания, как «дважды два — четыре», были когда-то истинны, а когда-то ложны; он полагал, что истина раскрывается постепенно, и пытался показать это в своих основополагающих лекциях по истории философии. Он делал акцент не на том, как сильно ошибались его предшественники, а на том, как много верного они открыли; хотя утверждения Платона и Спинозы, безусловно, не являются абсолютной истиной и нуждаются в пересмотре и дополнении.

Гегелевский подход не является аморальным. Несмотря на то что цель истории он видит в ее результате [с. 260] и считает мировую историю судом справедливости [с. 233], он не абсолютизирует успех (в качестве критерия истории). Его точка зрения связана с религиозной верой в то, что свобода в конечном счете так или иначе должна победить; это и есть «историцизм» Гегеля. Тем из нас, кому недостает подобной уверенности, следует заметить, что Гегель не верит в то, что нечто хорошо уже потому, что успешно. Напротив, оно успешно именно потому, что хорошо. Он видит в истории откровение Бога.

Данная точка зрения лучше всего проиллюстрирована Гегелем в его полемике с Карлом Людвигом Галлером (Karl Ludwig von Haller)²⁰ в «Философии права» (§ 258). На протяжении всей работы Гегель пытается избежать как Сциллы революционного беззакония, которое ассоциируется у него с Фризом (Jakob Friedrich Fries) и Вартбургским празднеством²¹, так и Харибды консервативного беззакония, которое он находит в книге Галлера «Возрождение науки о государстве». Он цитирует Галлера (I, с. 342 и далее): «Как в неорганическом мире большее подавляет меньшее и сильное — слабое и т. д., так и среди животных и людей действует тот же закон, но в более благородной форме», добавляя «возможно, подчас в низменных формах?». Затем он вновь цитирует Галлера: «Таким образом, это вечное неизменное повеление Божие о том, что более сильные правят, должны править и всегда будут править». Гегель замечает: «Из этого следует, в каком смысле здесь говорится о власти: это не моральная или этическая власть, но исключительно стихийная власть природы».

Поппер цитирует Гегеля: «Народ может умереть насильственной смертью лишь в том случае, если он естественно сам по себе стал мертвым» [с. 263] и далее: как, например, немецкие имперские города, государственный строй Германской империи

²⁰ Карл Людвиг Галлер (нем. Karl Ludwig von Haller, 1768–1854) — швейцарский государственный деятель, один из теоретиков Европейской Реставрации.

²¹ Wartburg festival — название нескольких ежегодных студенческих собраний в замке Вартбург (город Айзенах, Тюрингия). Самым известным является первое из них, имевшее место в 1817 году и ставшее важным событием в истории германских земель; в исторической литературе под термином «Вартбургское празднество», как правило, понимается именно собрание 1817 года.

[п. 77]. Применительно к распаду Священной Римской империи германской нации в 1806 году гегелевское замечание имеет смысл, в то время как его самоуверенное обобщение провоцирует критику [в свой адрес]. Но при этом нужно учитывать связь философии Гегеля с религиозной традицией, продолжающейся от Исаяи (Isaiah) до Тойнби (Toynbee).

Сосредоточившись на отделении философии Гегеля от данной религиозной традиции, Поппер пытается увязать его концепцию всемирно-исторических наций с теорией нацизма. Он цитирует [с. 258] «Энциклопедию» Гегеля как утверждающую представление о том, что «Дух времени вкладывает свою Волю» в «самосознание отдельной нации», которая «господствует в Мире». Это еще один случай, когда Поппер пытается усовершенствовать перевод первоисточника без сверки его с оригиналом (ср. пункт 5 выше). В самой же «Энциклопедии» мы находим следующий отрывок: «Самосознание отдельного народа является носителем данной ступени развития всеобщего духа в его наличном бытии и той объективной действительностью, в которую он влагает свою волю». В книге «Гегель. Избранное» Скрайбнера (Scribner) данный отрывок интерпретирован следующим образом: «...в которую этот дух на время вкладывает свою волю». И наконец, у Поппера мы неожиданно сталкиваемся с «Духом времени». Столь щедрое использование им заглавных букв при цитировании Гегеля, вероятно, преследует цель показать Гегеля глупцом.

Далее Гегель говорит (и Поппер это пропускает), что дух «шествует вперед, предоставляя народ исторической случайности судьбы». Данная позиция Гегеля связана с пониманием им первичной реальности в качестве духовной и того, что дух раскрывает себя в истории постепенно. Стадии такого раскрытия реализуются разными народами, причем каждым отдельным народом в определенный исторический период. Это странное утверждение было интерпретировано Стефаном Георге (Stefan George, немецкий поэт), заменившим понятие целого народа отдельным пророком, и стало частью мировоззрения его Круга.

In jeder ewe
Istnureimgott und einernurseinkunder.

Идея о том, что «в каждую эпоху существует лишь один Бог, один пророк», выглядит еще более ложной, чем взгляд Гегеля; это звучит весьма иронично уже потому, что даже в относительно небольшой нише, которую занимала германская поэзия, Георге не являлся единственной величиной, а был превзойден своим современником Рильке (Rilke).

По всей вероятности, на подобную мысль Гегеля навела историческая преемственность от вавилонян к персам, от персов к грекам, от греков к римлянам. Конкретный народ является господствующим в конкретную эпоху мировой истории, и в этом смысле творцом эпохи он может быть лишь однажды. И на фоне этого его абсолютного права, являющегося воплощением текущего этапа развития мирового духа, права других народов на духовные устремления рассматриваются как несостоятельные. А сами эти народы, подобно тем, чьи эпохи ушли в прошлое, не имеют больше никакого значения в мировой истории.

Гегель, вероятно, находился под влиянием христианской идеи о связи христианства с евреями и греками. Сегодня гегелевская концепция является устаревшей; об истории цивилизаций мы знаем гораздо больше, чем он когда-то; мы уже не можем сводить историю к прямой линии, которая ведет от греков к римлянам и далее к нам самим, равно как и рассматривать древнюю Азию в качестве «Восточного царства» и воспринимать его

лишь как предпосылку появления греков.

Мы также осознаем двусмысленность понятия *volk* («народ») или «нация» и не должны использовать подобные термины по отношению к носителям Греческой или Римской цивилизации. Мы рассматриваем расцвет средневековой философии с точки зрения взаимодействия иудеев, мусульман и христиан на основе греческой цивилизации и не должны беспокоиться о том, кто в данную эпоху представляет собой мировой дух. Причем некоторые из нас полностью утратили веру в некий мировой дух.

Все это не означает, что взгляды Гегеля безнравственны, и его главная ошибка связана с вменяемым ему национализмом или фанатичной приверженностью к конкретному государству. Концепция «локальных цивилизаций» Тойнби также является открытой к подобного рода обвинениям (см. главу 19, раздел 5, ниже).

За исключением полностью изолированных обществ, ни одно из них не может быть понято вне его связей с другими. И любое из них, будь то Западная цивилизация в целом, Франция, Афины или Бурлингтонская железная дорога, может служить объектом исторического исследования. В каждом случае другие общества будут представлены очень кратко и лишь для того, чтобы пролить свет на историю исследуемого общества.

В целом гегелевская концепция «мировой истории» является произвольной и представляет собой попытку изучить развитие своей цивилизации. В этом он был солидарен с большинством своих современников и предшественников, которые также находились под влиянием Библии. Именно Библия послужила толчком и основанием для развития западной идеи о том, что история имеет единое начало и идет своим единственным путем к единственной цели. Сегодня мы более склонны к агностицизму в отношении идеи единого начала; мы не можем не отрицать утверждения о единственном пути развития, но способны переосмыслить понятие единства мировой истории, возникающее в результате слияния независимых прежде потоков.

Гегеля не смущало осознание того факта, что некоторые из прародителей его цивилизации создавали ее фундамент практически одновременно. Так, Гомер мог быть современником древнейших христианских пророков, Фалес (Thales) и Иеремия (Jeremiah) творили в одно и то же время, а период расцвета стоицизма пришелся на эпоху развития христианства из иудаизма. Их современниками были также Конфуций и Будда. Здесь нужно использовать плюралистический подход, который в большей степени учитывает индивидуальные особенности развития подобного рода явлений. Не существует единой схемы, под которую можно подогнать все факты, а Гегель, несомненно, был кем-то вроде Прокруста.

Тем не менее любая попытка увидеть в гегелевской концепции «мирового доминирования» исключительно политический или военный смысл для того, чтобы связать его с Гитлером, является совершенно необоснованной. Вдвойне ошибочно не выделять тот факт, что Гегель не делал предсказаний и предположений о будущем и был крайне требователен к себе в попытке понять прошлое. С точки зрения педагогики, концепция «единого пути» хороша своей простотой и остается общепринятой в рамках истории философии — основной сферы специализации Гегеля.

10. Великие люди и равенство

Гегелевская концепция «исторически значимых в мире народов» тесно связана с его понятием «исторических личностей». Оба понятия истинны лишь в определенной степени. Некоторые народы оказали небольшое влияние на другие, в то время как греки и евреи воздействовали на мировую историю непропорционально своей численности. Так, Сократ и Цезарь с полным правом могут быть отнесены к выдающимся историческим личностям.

С большой эмоциональностью Поппер пишет: «Не все могут добиться славы; культ славы подразумевает антиэгалитаризм — культ «великих личностей». В соответствии с этим понятием современный расизм «не признает ни равенства душ, ни равенства людей» (Альфред Розенберг). Таким образом, не существует реальных препятствий для принятия основных принципов вечного восстания против свободы или, согласно Гегелю, идеи «мировой исторической личности» [с. 266 и далее].

Поппер полагает, что мы должны быть сторонниками эгалитаризма; но если данная точка зрения основана на убеждении в том, что ни один отдельно взятый человек не может достигнуть того, чего не могут достигнуть все остальные, она является заведомо глупой. В любом разумном смысле эгалитаризм полностью совместим с верой в великих людей [с. 266 и далее].

По мнению Поппера, Гегель превращает равенство в неравенство: «Положение о том, что граждане равны перед законом, — говорит Гегель, — содержит великую истину». Но оформленное подобным образом высказывание суть тавтология, всего лишь утверждение о том, что правовой статус существует, и законы управляют. А если быть более точным, граждане равны перед законом только в тех случаях, в которых они равны и вне закона. Только то равенство, которое они имеют по отношению к собственности, возрасту и т. д., может считаться справедливым перед законом. Законы сами по себе предполагают неравные условия. Следует отметить, что в действительности только высокое развитие и зрелость современных государств порождают величайшее неравенство людей [с. 239].

При цитировании Гегеля Поппер опускает часть высказываний, объясняя это следующим образом: «В данном отрывке, где Гегель искажает «великую истину» эгалитаризма, превращая его в свою противоположность, я значительно сократил его аргументацию; и должен предупредить читателя, что мне придется сделать то же самое и с этой главой, так как это единственно возможный способ представить в более удобном для прочтения виде то многословие и тот полет мысли, которые, без сомнения, являются патологическими».

Изучение «Энциклопедии» (§ 539) показывает, что Гегель ни «за» и ни «против» равенства; он пытается определить, как именно оно может быть воплощено в современном государстве.

С появлением государства возникает неравенство, а именно: различие между управляющими силами и управляемыми органами власти, магистратами, директориями и т. д. Принцип равенства, последовательно проводимый в жизнь, стер бы все различия и, таким образом, оказался бы в противоречии с любым видом государства.

В следующем отрывке мы находим высказывание Гегеля, выделенное Поппером курсивом, и лучше процитировать его в первоначальном виде и с курсивом самого Гегеля, а не Поппера: «Только то равенство, которое каким-то образом *оказывается существующим независимо* от богатства, возраста, физической силы, талантов, способностей и т. д., а также преступлений и т. д., может и должно служить оправданием равной ответственности перед законом в отношении налогов, воинской обязанности, доступа к общественной службе и т. д. или наказания и т. д.».

Высказывание Гегеля, далеко не изящное по форме, но, тем не менее, тщательно выстроенное, демонстрирует принципиально важный для него параллелизм. Только обладающие равным количеством имущества должны быть облагаемы равной суммой налога; на призывной комиссии должны учитываться возраст и физическая сила, при отборе на общественную службу следует принимать во внимание таланты и способности и так далее. Он ставит вопросы о том, применимо ли равное наказание для всех, вне зависимости от тяжести совершенного преступления; должны ли призываться на военную

службу дети и может ли взиматься одинаковый налог с бедного и богатого. Так виновен ли Гегель в искажении смысла?

Возвращаясь к вопросу о «великих людях», следует привести цитату Гегеля из дополнения Ганса к разделу 318: «Общественное мнение содержит все ложное и все истинное; и способность находить истинное во всем этом — дар великих людей. Тот, кто выражает свою эпоху и осуществляет ее насущные потребности, является великим человеком данной эпохи». Переводя этот отрывок [с. 267], Поппер превращает его в абсурд: «В общественном мнении все является ложным и истинным...» И далее: «Тот, кто не понимает, как пренебречь общественным мнением, по причине того, что оно стремится быть услышанным повсеместно, никогда не достигнет чего-либо великого». Курсив Поппера, в равной степени как и его комментарии, апеллирует к читательскому предрассудку о превосходстве общественного мнения, хотя ранее он взывал в пользу сознания. В то же время эти критерии во многом различны, и Гегель разглядел ошибочность обоих, не веря, вопреки предположениям Поппера [с. 237], в то, что «самоочевидность есть то же, что и истина». В основной части раздела 318 Гегель доказывал, что первым формальным условием великого и разумного является независимость от общественного мнения. Он верил в то, что общественное мнение «в конечном счете примет и признает это великое и разумное, а также сделает их частью своих собственных предрассудков».

В вышеприведенном дополнении Ганса Поппер обнаруживает «прекрасное описание лидера как публициста», а поскольку он предварительно снабдил его ссылкой на «принцип лидера», то у читателей возникает мысль о фюрере и, следовательно, о Гегеле как нацисте. Данная цитата, однако, не противоречит искренней вере в демократию и прекрасно согласуется не только с идеей «интервенционизма» Франклина Рузвельта, но также с великими высказываниями Линкольна, например: «Дом, разделенный пополам, не может выстоять в буре» или «Без злого умысла, с милостью ко всем». Слова Гегеля о всемирно-исторических личностях: «Они были практиками и политиками. Но в то же время и мыслителями, которые обладали пониманием требований времени; того, что уже созрело для развития», — можно с полным правом отнести и к Линкольтну.

Гегель обнаружил, что всемирно-исторические личности всегда движимы какой-то страстью («Ничто великое в мире не было достигнуто без страсти») и что в их побуждениях часто присутствуют амбиции. Последнее он обозначил как «хитрость разума». Человек может быть мотивирован не только глубокой проницательностью ума, но также и «личными интересами», и даже «свокорыстными планами». Так, Александр был безудержно честолюбив; однако в конечном итоге его личные интересы пошли на благо Западной цивилизации. Подобное относится к Цезарю и Франклину Делано Рузвельту. Что касается Линкольна, то он, по словам Ричарда Хофстадтера²² (Richard Hofstadter, «Американская политическая традиция»), также был движим политическими амбициями, пока не стал президентом.

Поппер увязывает мысль Гегеля с «фашистским обращением к «человеческой природе», которая суть наши страсти», и предлагает назвать этот посыл «хитрой уловкой, направленной против разума» [с. 268]. И все же, по-видимому, он верит, что Наполеон, чья мотивация едва ли была бескорыстна, и чьи методы едва ли могли быть одобрены приверженцем «открытого общества», содействовал благу Западной цивилизации до такой степени, что немецкое восстание против него должно быть признано «как одна из типичных реакций коренного населения против экспансии супердержавы» [с. 250].

²² Ричард Хофстадтер (Richard Hofstadter; 1916–1970) — американский историк и общественный интеллигент середины XX века. Был профессором американской истории в Колумбийском университете.

11. Война

Даже не разделяя взглядов Гегеля на войну, необходимо четко отличать их от фашистских. Трех пунктов здесь будет достаточно.

Во-первых, Гегель смотрит назад, а не вперед. Он не меньше Поппера заинтересован в «развитии цивилизации» [с. 268], но считает, что наша цивилизация продвинулась вперед благодаря большому количеству войн в прошлом; например, войне греков с персами, захватническим войнам Александра, некоторым войнам периода древнего Рима и покорения саксов Карлом Великим. Полагая, что задача философа — понять, «что чем является» (цитируя предисловие к «Философии права»), а не строить утопии, Гегель говорит о войне как об одном из факторов, который действительно способствовал развитию цивилизации.

Во-вторых, мы не должны путать гегелевскую оценку войн, происходивших в предшествующую ему эпоху, с воспеванием современных войн или с нашим представлением о войнах в будущем.

В-третьих, позиция Гегеля не может быть вполне понятна в отрыве ее от религиозных корней. Он считал, что все конечное эфемерно. В дополнении Ганса в разделе 324 приведена цитата Гегеля, которая гласит: «С кафедры проповедника многое говорится о ненадежности, тщетности и непостоянстве временных вещей, и все же каждый думает, что он-то, по крайней мере, сумеет не потерять своего». То, что не в состоянии объяснить проповедники, доносят «гусары с обнаженными саблями». В трактовке Поппера это «блестящие сабли» [с. 269]. Разница незначительна, но она существенно меняет тональность отрывка.

Этих трех пунктов достаточно, чтобы показать, до какой степени Поппер искажает точку зрения Гегеля. «Теория Гегеля, — говорит он, — подразумевает, что война хороша сама по себе», так как мы читаем у Гегеля, что «В войне есть этический элемент» [с. 262]. Это достаточно любопытный вид дедукции: из утверждения Гегеля о том, что «в войне присутствует этический элемент, и ее нельзя рассматривать как абсолютное зло» (§ 324), Поппер делает вывод, что Гегель считал войну «благом самим по себе». Гегель пытался решить проблему зла, показывая, что даже оно может служить положительной цели. Он разделял концепцию Гете (Goethe) о «той силе, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» (см. главу 5, раздел 5 и выше). В этом сама суть диалектического подхода Гегеля: попытаться выйти за рамки утверждений, что война — это благо либо война — это зло, и выяснить обстоятельства, при каких она зло, а при каких благо. В настоящее время зло войны настолько перевешивает благо, что мы склонны проявлять нетерпимость к тем, кто говорит о ее положительных сторонах; однако в конкретной исторической ситуации большинство, тем не менее, считает, что добро берет верх над злом, и даже в том случае, если добро есть всего лишь «меньшее зло».

Отрывок, взятый из берлинских лекций Гегеля по эстетике, в котором он рассматривает вопрос о будущих войнах, не очень известен, и его стоит процитировать: «Допустим, прочитав великие эпические произведения прошлого («Илиаду», «Песнь о моем Сиде»²³, а также стихи Тассо²⁴, Ариосто²⁵, Камюэнса²⁶), которые описывают

²³ Песнь о моем Сиде:

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%81%D0%BD%D1%8C_%D0%BE_%D0%BC%D0%BE%D1%91%D0%BC_%D0%A1%D0%B8%D0%B4%D0%B5

торжество Запада над Востоком, превосходство европейского эталона, особенной красоты и самокритичного разума Европы над азиатской пышностью и великолепием, кто-то стал размышлять о возможности и в будущем появления великого эпоса. И он должен был бы представлять победу живой рациональности, которая может развиваться только в Америке, над ограничением, участвуя в процессе бесконечного изменения и конкретизации. Ибо в Европе в настоящее время каждый народ ограничен другим и не может, со своей стороны, начать войну против другого европейского народа. Если сейчас какой-то народ захочет преодолеть ограничения Европы, то он сможет сделать это только в Америке» (3).

В своих лекциях по философии истории Гегель приветствовал Соединенные Штаты как «страну будущего» (4). По всей видимости, он не верил, что история мира достигнет своей вершины в Пруссии. Его лекции по истории ведут не к предсказанию, а к утверждению: «Здесь осуществилось осознание».

Эта фраза может служить ключом к знаменитому выражению смирения в конце предисловия к «Философии права», отрывку, который, на первый взгляд, вступает в противоречие с последующим требованием учреждения суда присяжных и парламента с открытыми слушаниями, тогда еще отсутствовавшими в Пруссии. Но, видимо, Гегель не верил, что Пруссия и Европа в целом имели какое-либо реальное будущее: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек».

12. Национализм

Позиция Поппера по данному вопросу особенно противоречива. «Когда национализм возродился сто лет назад (около 1850?) в Германии, страна эта, а особенно Пруссия, являлась одним из наиболее разнородных регионов Европы» [с. 245]. На следующей странице мы читаем о «захвате германских земель первой национальной армией, французской армией под командованием Наполеона». Еще через три страницы мы узнаем, что «пустословие» Фихте (Fichte) дало «начало современному национализму». Умер Фихте в 1814 году. С презрением относясь к идее национальной принадлежности, Поппер утверждает, что это обыкновенная вера в демократию, «которая является, так сказать, объединяющим фактором многоязычной Швейцарии» [с. 246]. Почему же тогда швейцарцы не хотят объединиться с каким-нибудь демократическим соседом? Поппер правильно критикует многие черты современного национализма; но интересующимся его развитием или желающим лучше понять это явление лучше обратиться к книге Ганса Кона²⁷ (Hans Kohn) «Идея национализма» (1944) и главе «Национализм и открытое

²⁴ Торквато Тассо (итал. Torquato Tasso; 1544–1595) — итальянский поэт XVI века, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1575):

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE,%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%BE>

²⁵ Лудовико Ариосто (итал. Ludovico Ariosto, 1474–1533) — итальянский поэт и драматург эпохи Возрождения:

<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE,%D0%9B%D1%83%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%BE>

²⁶ Луис де Камбэнс (Луиш Ваш ди Камойнш, порт. Luís Vaz de Camões; около 1524–1580) — португальский поэт, живший в XVI веке, автор поэмы «Лузиады»: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D1%8D%D0%BD%D1%81,%D0%9B%D1%83%D0%B8%D1%81%D0%B4%D0%B5>

²⁷ Ганс Кон (1891–1971) — американский философ и историк. Родился в Праге во время Австро-Венгерской империи, был взят в плен в качестве военнопленного во время Первой мировой войны

общество» в работе «Двадцатый век» (1949).

Одна из основных тем, поднимаемых Поппером в главе о Гегеле, формулируется утверждением о том, что «Гегельянство — это возрождение трайбализма» [с. 226]. Использование Поппером понятий «трайбализм» и «национализм» отличается скорее эмоциональностью, чем точностью; причем Поппер обвиняет Гегеля и в том, и в другом. Но даже и в этом случае он вынужден признать, что Гегель «иногда критиковал националистов» [с. 251]. Поппер цитирует «Энциклопедию» Гегеля, где так называемый народ осуждается за роль толпы и в этой роли не имеет права существовать, допускаться к власти и деятельности, что должно стать первой задачей государства. Такое состояние народа есть состояние беззакония, деморализованности, скотства. В нем народ являл бы собой бесформенную, дикую, слепую силу, подобную бурной стихии моря.

Однако стихия моря не является саморазрушающей силой, какой была бы, в отличие от нее, обладающая духовной составляющей стихия народа.

Нацисты сделали вполне правильный вывод о том, что Гегель был категорически против их концепции народа (Volk), и что его идея государства была полной ее противоположностью.

Поппер так нацелен на противостояние Гегелю, что, обнаружив его критические высказывания в отношении националистов, тут же стремится привлечь симпатии читателей на их сторону. При этом Поппер не ограничивается вполне приемлемым указанием на то, что Гегель является «либеральным националистом», но считает своим долгом добавить: «Которого король ненавидел, как чуму». Позицию Гегеля, безусловно, нельзя понять и в полной мере оценить на основе эмоционального впечатления от таких слов, как «либеральный» и «король». Что действительно следовало бы найти, так это очертание того движения, которое осуждал Гегель. И это очертание может быть найдено в работе Герберта Маркузе «Разум и революция» [с. 179 и далее]: «Было много разговоров о свободе и равенстве, но это была свобода, привилегию на которую имела бы только тевтонская раса... ненависть к французам шла в одном строю с ненавистью к евреям, католикам и «дворянам». Это движение призывало к подлинно «германской войне» с тем, чтобы Германия могла реализовать «огромный потенциал своей нации». Оно требовало «Спасителя» для достижения германского единства; того, кому «народ простит все грехи». Оно сжигало книги и выкрикивало проклятия евреям. Оно считало себя выше закона и Конституции, потому что «правому делу закон не писан». Государство должно быть построено «снизу», на основе энтузиазма народных масс, и «естественное» единство нации должно было вытеснить сословный порядок государства и общества. В этих «демократических» лозунгах нетрудно было распознать фашистскую идеологию народной общности «Расовое единство» (Volksgemeinschaft). По сути дела, связь между исторической ролью братств (Burschenschaften) с их расизмом и антирационализмом с одной стороны и национал-социализмом с другой ощутимее, чем между позицией Гегеля и последним. Гегель создал свою «Философию права» как защиту государства от этой псевдодемократической идеологии.

«Либерал» Фриз призывал к тотальному уничтожению еврейства (пункт 5 выше), в то время как Гегель осуждал протесты националистов против расширения гражданских прав евреев, указывая на то, что вся эта «шумиха не принимает во внимание тот факт, что прежде всего они являются людьми» (§ 270). Должны ли мы осуждать Гегеля за общие взгляды с королем или хвалить Фриза за то, что он называл себя либералом?

и провел в России пять лет. В последующие годы он жил в Париже и Лондоне. Работал в сионистских организациях.

13. Расизм

Последний момент, на котором следует остановиться, — это нелепое утверждение Поппера о том, что нацисты унаследовали расизм от Гегеля. В действительности это не так, и Гегель не был расистом (см. раздел 5 выше). Некоторую поддержку своей расистской идеологии нацисты нашли у Шопенгауэра, с которым Поппер выступает сообща против Гегеля, и у Рихарда Вагнера, в отношении которого Поппер странным образом намекает на то, что он был кем-то вроде гегельянца [с. 228], хотя тот, безусловно, являлся преданным последователем Шопенгауэра. Поппер заявляет, что некий Фридрих Вильгельм Шальмайер (F. W. Schallmeyer), написавший в 1900 году «прекрасное» эссе, «стал таким образом дедушкой расовой биологии» [с. 256]. Как же быть тогда с Гобино²⁸ и Чемберленом²⁹, гораздо более известными и влиятельными, а также со многими другими авторами, еще до 1900 года опубликовавшими свои взгляды, которые получили широкое распространение среди нацистов и постоянно ими цитировались?

Поппер предлагает нам сентенцию: «Не «Гегель + Платон», а «Гегель + Геккель» есть формула современного расизма» [с. 256]. Почему Геккель, а не Бернхард Форстер³⁰, Юлиус Лангбен, Хофпредигер Стокер, Чемберлен, Гобино или Вагнер? Почему не Платон, по поводу размышлений которого об улучшении породы высшей, властвующей расы нацистов доктор Ганс Ф. К. Гюнтер, написал целую книгу, а его трактаты на эту тему были распроданы сотнями тысяч экземпляров в Германии и выдержали несколько изданий еще до 1933 года (см. раздел 5 и выше)? Так почему же Гегель?

Бесспорно, Гегель не был расистом, да и Поппер не приводит убедительных доказательств этого. Однако он утверждает: «Превращение гегельянства в расизм, или Духа в Кровь, не меняет существенным образом основную тенденцию гегельянства» [с. 256]. Так, может быть, и превращение Бога в фюрера не вносит существенных изменений в христианство?

Можно согласиться с господином Муром (G. R. G. Mure) в том, что все более несдержанные и все более бездоказательные атаки на Гегеля достигают максимума в главе Поппера о Гегеле, где они становятся «почти бессмысленно неразумными» (6). Но фамильярность в отношении Гегеля сходит на нет там, где критики оригинального издания «Открытое общество и его враги», демонстрируя сдержанность в трактовке Платона и Аристотеля, не находят повода для возражений против Гегеля; и даже Бертран Рассел на обложке английского издания назвал атаку на Гегеля «убийственной» для него. После публикации в 1950 году американского издания Джон Уайльд (John Wild) и Р. Б. Левинсон выпустили книги, защищающие Платона от нападок Поппера и других подобных ему критиков. Так, в своей книге «В защиту Платона» Левинсон проделал большую работу, раскрывая методы, которыми пользовался Поппер (для критики Платона). И все же десять глав Поппера, посвященные Платону, несмотря на необоснованность его утверждений, содержат множество превосходных наблюдений, и, кроме того, в книге так много интересных комментариев, что у нее нет никаких шансов оказаться на свалке истории. «Открытое общество» будет популярно еще долгое время, и это является главной причиной того, почему трактовка Гегеля в этой книге заслуживает целой главы.

²⁸ Граф Жозеф Артур де Гобино́ (фр. Joseph Arthur comte de Gobineau; 1816–1882) — французский писатель-романист, социолог, автор арийской расовой теории, впоследствии взятой на вооружение национал-социалистами.

²⁹ Артур Невилл Чемберлен (англ. Arthur Neville Chamberlain; 1869–1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии (тори).

³⁰ Bernhard Förster: https://en.wikipedia.org/wiki/Bernhard_F%C3%B6rster

На деле важны не ошибки одного автора, а возрастающая популярность мифа о Гегеле и тех методов, на которых он зиждется. Прочитируем Ессе Номо Ницше еще раз: «Я пользуюсь личностью только как сильным увеличительным стеклом, которое может сделать видимым общее, но ускользящее и трудноуловимое бедствие».

Предоставим последнее слово Попперу. Нет более разрушительной критики для Поппера, чем его собственные слова, которыми он обосновывает свою критику Тойнби: «Я считаю эту книгу самой удивительной и интересной... Она впечатляет, в ней много сложных интересных моментов. Я также согласен с большинством его политических предпочтений, нашедших свое отражение в книге, и прежде всего с критикой современного национализма, а также трайбализма и «архаизма», реакционными ценностями, связанными с ним. И все же причина, по которой я выделяю именно эту книгу для обвинения ее в иррационализме, состоит в том, что, видя всю степень губительного воздействия работы подобного уровня, мы полностью осознаем ее опасность» [с. 435 и далее].

Литература / References

1. Walter Kaufmann *From Shakespeare to Existentialism: Studies in Poetry, Religion, and Philosophy / Chapter 7: The Hegel Myth and Its Method*, Boston, 1959, pages 88–119.
2. *Die Vernunft in der Geschichte*, ed. Lasson, p. 92; *Reason in History*, transl. Hartman. P. 51.
3. *Philosophy of Right*, § 347.
4. *Werke*, ed. Glockner, XIV, 354 f.
5. *Ibid.*, XI, 128f.
6. Cf., e. g., *Rosenberg's Mythos*, p. 527.
7. *A Study of Hegel's Logic*, p. 360.

The Hegel Myth and Its Method

Kaufmann Walter Arnold,
Professor of Princeton University

Yurganov Alexander Alexandrovich,
Teacher of the Department of Philosophy, Psychology and Pedagogy
of the Kuban State Medical University, PhD,
ssssss1984@mail.ru

Abstract: The work of Kaufman "the Myth of Hegel and the technology of its creation" was first published in 1959 in the United States. Despite the historical significance of Hegel's philosophy, some of his critics do not bother to study the primary sources and fundamentally important research literature. This opens up the possibility not only to misunderstandings, but

deliberate speculation and distorted, including politically biased, interpretations, substitute the real views of Hegel myth-making dealing with them a thinker. The work of Kaufman discloses a technique of creation a mythological conception of Hegel's philosophy on the material provided by well-known and influential ideologist of the liberal doctrine of the "open society" of Karl Popper.

Keywords: Hegel, Popper, myth, criticism of dialectics, history of philosophy, citation errors, totalitarianism, liberalism, fascism, anti-Semitism, racism.